

Услышав голос Цзинь Шуаня, Хань Чжоу сначала опешил, а затем, прижав трубку к уху, засмеялся с полминуты:

— Ан-гэ, если хотел купить картину, мог просто сказать мне. Зачем такие сложности?

Цзинь Шуань, слушая в трубке непрекращающийся смех, не совсем понимал, почему Хань Чжоу смеётся так долго, но сам, слыша этот смех, чувствовал себя прекрасно и не мог сдержать улыбки. Хань Чжоу уже почти успокоился, но, услышав тихий смех Цзинь Шуаня, снова расхохотался.

Таким образом, ассистент стал свидетелем того, как его обычно серьёзный и сдержанный на работе босс ранним утром, держа трубку, смеялся до дрожи в плечах.

— Жуть, — покачал головой ассистент и ушёл, неся стопку папок.

Цзинь Шуань взял себя в руки довольно быстро, но всё же дождался, пока Хань Чжоу вдоволь нахохочется, прежде чем сказать:

— Связаться с менеджером — просто чтобы не ставить тебя в неловкое положение.

Ни в вопросах цены, ни в желании встретиться с Хань Дуном он не хотел создавать для него неудобств.

Слова его сами по себе не несли ничего особенного — просто поступок человека с высоким эмоциональным интеллектом. Но для Хань Чжоу они стали тёплым приливом.

Хань Чжоу вытер уголок глаза, слезу от смеха, и наполовину укрылся в одеяле. Солнце за окном уже было высоко, а шторы в комнате всё ещё не раздвинуты.

Цзинь Шуань опустил жалюзи у двери, скрыв от глаз суетящихся сотрудников, и спросил:

— Что делаешь?

— Лежу в кровати, — Хань Чжоу зевнул, и его голос, слегка охрипший после сна, в полумраке спальни звучал с лёгкой интимностью.

Цзинь Шуань на том конце тихо рассмеялся:

— Не встаёшь?

Не знал он, оттого ли, что голос его стал мягче и тише, но Хань Чжоу почувдилось, что в его тоне сквозит нежность.

— М-м... — Хань Чжоу, хоть и не думал ни о чём таком, но всё же с головой погрузился в текущее ощущение. Он невольно крикнул, потёрся щекой о подушку и сказал:

— Позже встану.

Этот его крик заставил Цзинь Шуаня буквально растаять наполовину. Рука, державшая рапидограф, дрогнула, и на белом листе отчёта появилось маленькое чёрное чернильное пятно.

— Ты собираешься работать? — Хань Чжоу, услышав долгое молчание, подумал, что пустая болтовня отвлекает человека от дел, но в душе ему стало немного грустно.

— Нет, — Цзинь Шуань положил ручку на стол, слегка сжал губы и сказал:

— Завтра днём свободен? Встретимся... поговорим о картине.

Хань Чжоу закрыл глаза и тихо ответил:

— Давай завтра вместе пообедаем.

Они встретились в китайском ресторане. Хань Чжоу обычно умел находить вкусные места, старался попробовать всё особенное, если было время. Но на обед он обычно выбирал китайскую кухню — по ощущениям, она сытнее и основательнее сидела в желудке, чем западная или японская еда.

Он положил себе кусочек курицы с арахисом по-сычуаньски и сказал:

— Вообще-то, я боялся, что ты не ешь такое, а то хотел позвать тебя в лапшичную, где готовят «большую порцию курицы». Недавно открыл одно место, очень вкусно.

— Я не привередлив, — Цзинь Шуань положил фарфоровую ложку, и та слегка звякнула о край миски. — В следующий раз, как найдёшь что-то вкусное, зови меня. У меня всегда будет время.

Слова его прозвучали несколько инициативно. Хань Чжоу на мгновение замер, пережёвывая пищу, затем улыбнулся:

— Ладно, в следующий раз, как найду что вкусное, позову.

Цзинь Шуань, допивая суп, тихо хмыкнул в знак согласия.

Ресторан находился недалеко от студии Цзинь Шуаня в северном районе, еда была так себе. Оба поели и наелись, сразу после еды торопиться некуда, так и сидели на своих местах, болтая.

Поскольку потом ещё предстояло вести машину, они не пили алкоголь. Хань Чжоу, держа в руках стеклянный стакан с горячим соевым молоком, сказал:

— Я вчера тоже нарисовал снег.

Цзинь Шуань приподнял бровь, выпрямился, явно заинтересовавшись:

— Маслом?

— Угу, — кивнул Хань Чжоу, чувствуя, что этот человек и правда любит произведения искусства. — Впервые писал снег, и довольно легко пошло. Как раз тот снег, что шёл, когда мы с тобой ночью гуляли.

— Продаётся? — с улыбкой спросил Цзинь Шуань.

— Продаётся, — Хань Чжоу тоже улыбнулся, принимая это за шутку. — Мои картины пока не дороги, но потенциал роста большой. Не то что у брата — чертовски дорогие, разве что на разнице из-за инфляции потом заработаешь.

— Если следовать твоей логике, мне и правда нужно поторопиться с покупкой, — на губах Цзинь Шуаня играла улыбка, но тон был вполне серьёзным. — Уже есть оценка?

— Покупай, не прогадаешь, — Хань Чжоу допил остатки молока. — Девять юаней девяносто

фэней, доставка включена. Если хочешь купить, обращайся прямо к моему менеджеру, всё тот же Сюй Гуанмао.

— Ладно, — Цзинь Шуань, усмехаясь, достал кошелек, сначала вынул десять юаней, затем добавил сотню, положил под меню и расплатился.

Выйдя из ресторана, Хань Чжоу последовал за Цзинь Шуанем к месту парковки.

Сегодня Хань Чжоу испытывал некоторую вину. Если бы покупателем, желающим увидеть его брата, был кто-то другой, он бы просто отказал. Но покупатель — Цзинь Шуань. С момента знакомства у того была лишь эта одна маленькая мечта. В прошлый раз он не смог помочь из личных отношений, на этот раз тот собирается потратить крупную сумму на покупку — и снова не увидит. Раз за разом получается, будто его брат — какой-то нелюдим, которого стыдно показать при свете, лицо в оспинах, что умрёт при дневном свете.

Он ускорил шаг, вынул одну руку из кармана и положил её на спину Цзинь Шуаня:

— Прости за историю с братом. Обязательно как-нибудь тебя познакомлю. Он уж больно дикий.

Подумав, добавил:

— В общем, мы же часто общаемся, возможностей увидеть его ещё много.

— Всё в порядке, — Цзинь Шуань остановился и повернулся к нему. Неожиданное движение изменило их положение с «плечом к плечу» на «лицом к лицу». Хань Чжоу был чуть ниже, поэтому с точки зрения Цзинь Шуаня его лицо казалось очень маленьким, черты — крупными и красивыми.

На парковке и так было не очень светло, а внезапная остановка Цзинь Шуаня сократила расстояние между ними. Хань Чжоу, глядя на это лицо вблизи, на его резкие черты, вдруг почувствовал, как сердце заколотилось. Его рука всё ещё лежала на спине другого, и эта поза была очень похожа на начало или конец объятия.

Он уставился в глаза Цзинь Шуаня, застыв на месте и не находя слов. Цзинь Шуань же, лишь слегка приподняв уголок рта, развернулся и пошёл дальше.

Цзинь Шуань шёл впереди, оглянулся на слегка затормозившего Хань Чжоу, и в его глазах сверкала двусмысленная улыбка:

— Учитель Хань сегодня без машины. Куда хочешь отправиться? Я составлю тебе компанию.

— На блошинный рынок, — машинально ответил Хань Чжоу.

Сейчас в его голове был полный хаос, он и сам не знал, о чём думает, и совершенно не заметил, что Цзинь Шуань сказал «составлю тебе компанию».

— Хм? — Цзинь Шуань приподнял один уголок рта, и улыбка его приобрела несколько элегантно-порочную зловредность. — Блошинный рынок на юге города?

И тут он увидел, как пьянящий румянец медленно пополз от шеи Хань Чжоу к ушам, пока наконец не залил всё лицо красным.

— ...Просто, просто на блошинный рынок, — забормотал Хань Чжоу, сам не зная, из-за чего так нервничает.

Блошинный рынок находился в южной части города, далеко от северного района. Сейчас был полдень, время оживлённого движения, они то и дело стояли в пробках. Доехать туда, наверное, заняло бы больше часа.

Хань Чжоу постепенно пришёл в себя. Наверное, всё дело в том, что Цзинь Шуань слишком хорош собой, и внезапная близость на время затуманила его разум. Разве не говорят, что истинная красота покоряет всех, независимо от пола? Так что несколько учащённых ударов сердца ради такой красоты — это вполне нормально.

Он всё время искоса поглядывал на него, чувствуя, что черты его лица и правда подобны картине, очень красивы. Сейчас он казался ещё более ослепительным, чем при первой встрече на том пьяном вечере, почему-то.

Он так и смотрел, пока Цзинь Шуань не почувствовал это и не повернулся. В момент встречи их взглядов сердце Хань Чжоу заколотилось, и он поспешно отвёл глаза.

— Что такое? — спросил Цзинь Шуань.

— Ничего, — Хань Чжоу потёр лицо. — Просто интересно, как ты ухаживаешь за кожей, она такая хорошая.

Цзинь Шуань усмехнулся:

— Ты тоже неплохо ухаживаешь.

— Это точно, — Хань Чжоу, говоря об этом, даже немного возгордился. — Я с университетских лет внешне не меняюсь. Может, из-за того, что постоянно делаю маски для лица.

Он вспомнил, как несколько дней назад ужинал с одногруппниками, жарили мясо. Староста, потирая свою лысеющую макушку, с завистью говорил, что он — вечно юное дитя новой эпохи, и зря он поступил в Академию искусств, нужно было свернуть налево и подать документы в киноинститут.

Хань Чжоу в тот момент, подняв пиво, рассмеялся:

— Зачем быть актёром? За тобой же тогда все будут следить, за покупками, за отношениями — ещё от папарацци прятаться придётся. У меня нет амбиций зарабатывать столько денег, да и мучиться так не хочется.

<http://bllate.org/book/15564/1415519>